

ВЛИЯНИЕ ДЕНЕГ НА СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ВРЕМЕНИ. ДИНАМИКА
НЕЛИНЕЙНОСТИ

Автор: Н. Н. ЗАРУБИНА

ЗАРУБИНА Наталья Николаевна - доктор философских наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ.

Возникновение и развитие денежных отношений в экономике значимым образом повлияло на социальное конструирование образов мира. По выражению С. Московичи, деньги предстали в качестве "материальной идеограммы, изображающей во внешнем мире самые разнообразные движения нашего внутреннего мира" [1, с. 137]. Это влияние стало предметом исследований социологов на протяжении полутора столетий - от К. Маркса и Г. Зиммеля до Г. Дебора, Ж. Бодрийяра и Э. Гидденса. С момента появления социокультурной максимы модерна "время-деньги" влияние денег на социальное

При финансовой поддержке РФФИ (грант N 07 - 06 - 00186).

конструирование времени стало одной из проблем, имеющих не только теоретическое, но и прикладное значение. Так, в период рыночных преобразований в России одной из основных для всего общества стала проблема быстрого обогащения, "быстрых денег". Вопрос о том, *как* заработаны деньги, трансформировался в "*за сколько времени*" можно заработать определенные деньги. В социальном и культурном плане оказались обесценены формы деятельности, которые требуют длительных усилий, и денежная отдача от которых "отнесена" в будущее. Напротив, высоко привлекательными стали занятия, приносящие быструю прибыль. На поверхности лежат объяснения таких установок присущей переходному периоду нестабильностью финансовой и валютной систем, которая делает рискованными долгосрочные проекты любого рода, побуждая быстро тратить или вкладывать деньги. Однако представляется, что у них есть и более глубокие социокультурные основания, для понимания которых надо исследовать влияние денег как социокультурного феномена на социальное конструирование и осмысление времени. О социокультурной природе ориентации на "короткие" деньги свидетельствует факт изменения отношения, например, к образованию. Время, потраченное на приобретение профессиональной квалификации, имеет тенденцию к сокращению, поскольку от современного образования, как и любой другой формы инвестиций, ожидают быстрой прибыли. Ориентация на "быстрые" деньги парадоксальным образом изменяет ценность времени труда и досуга: когда прибыль соотносится с единицей затраченного времени, оно стремится к сокращению, к сжатию в точку.

Неинструментальное циклическое время традиционного общества

Конструирование социального времени определяется комплексом культуры. Специалист в области цивилизационных исследований А. Абдель-Малеk считал именно специфику социального времени базовым отличием цивилизаций Востока и Запада [2, р. 171 - 172]. Аналогичные различия парадигм социального времени присущи традиционным обществам, обществам модерна и постмодерна.

Медиевист А. Я. Гуревич, базируясь на сравнении традиционного и буржуазного отношения ко времени, отмечает, что традиционные общества не знают *утилитарной и инструментальной* ценности времени и в этом смысле безразличны к нему, не ценят его именно в качестве потребляемого и практически используемого объекта. Однако они проявляют ко времени собственный интерес, вкладывая в него собственные ценности и смыслы [3, с. 43 - 44].

Конструкт времени в традиционных обществах оказывался производным от имманентных свойств природного окружения и бытия человека, поэтому время рассматривалось как сакральная, неизменная, стабильная составляющая, неотделимая и неотчуждаемая от человека. Здесь "время-господин. Поэтому можно сказать, что концепция времени развивалась как неаналитическая, унитарная, симбиотическая, объединенная и объединяющая. В ее контексте у человека не могло "быть" или "не быть" времени; время-господин существования не могло быть предметом потребления. Напротив, время управляло человеком и господствовало над ним" [2, р. 181]. Затраты времени были соразмерны потребностям человека, и было естественно, что те, кому придавалось наибольшее значение, забирают максимум времени. Так, время молитвы, время созерцания, обряда, праздника имело не меньшую, а порой и большую социальную ценность, чем время труда, поскольку первое использовалось для спасения души, выполнения символических обязанностей, латентно способствовавших социальной интеграции. Мерой ценности продукта было не затраченное на его производство рабочее время, а его полезность, красота, добротность, на которые не жалели времени. Характерно, что в период становления буржуазного общества с промышленным товарным производством сокращается количество праздников по сравнению с традиционными обществами. Исследователи XX в. обращали внимание на то обстоятельство, что в развивающихся

странах Востока праздников существенно больше, чем на Западе, и объясняли это субстантивной рациональностью восточных культур.

Вследствие неутилитарности традиционное время не знало *деления на абстрактные и универсальные отрезки*, отличные от естественных периодов природного и социального бытия - времени года и суток, работы и отдыха, повседневности и праздника, этапов жизни человека, семьи, рода и т.д. Универсальное абстрактное деление времени не было возможным в традиционных обществах не просто в силу отсутствия специальных механизмов, но, прежде всего, потому, что стабильная, всегда соотношенная с реальными потребностями человека деятельность не вызвала социально значимой необходимости подобных операций. Историко-социологические исследования В. Зомбарта свидетельствуют, что для традиционных обществ характерно не количественное, а качественное восприятие реальности, в том числе тех ее областей, которые для культуры модерна непременно связаны с точными расчетами. В первую очередь речь идет о *калькуляции времени* и об обороте денежных средств, например, в торговле и ссудном деле: "Это специфически современное представление, что счета необходимо должны "сходиться". Во все предшествующие времена, при новизне числовой оценки вещей и цифрового способа выражения, обходились всегда только весьма приблизительным описанием соотношения величин. <...> Недостатку счетных навыков соответствует... чисто качественное отношение хозяйствующих субъектов к миру благ. Производят еще не меновые ценности (определенные чисто количественно), но исключительно потребительные блага, т.е. качественно различаемые вещи" [4, с. 16].

Социальное время традиционных обществ не воспринимается как полезное, инструментальное благо, которое должно быть строго учтено и сосчитано. Его всегда и на все хватает, потому что оно является неотъемлемым имманентным свойством бытия. Общим свойством всех форм времени традиционных являлся их *циклический характер*, которому присуща относительность последовательности временных промежутков: прошлое, настоящее и будущее в сознании людей сосуществовали и обладали одинаковой онтологической реальностью. Символический обмен, доминирующий в традиционных обществах, связывал настоящее в равной степени и с будущим, и с прошлым, делал прошлое актуальным, постоянно присутствующим в настоящем [5, с. 45].

Наиболее значимым для закрепления циклического представления о времени в традиционных обществах оказалось отсутствие ориентации на экономический рост. Конечно, ни в коем случае нельзя отрицать стремления традиционного хозяина к увеличению благосостояния, к богатству. Однако исследователи показали, как это стремление, во-первых, реализовывалось внехозяйственными "авантюристическими" или "политическими" методами (М. Вебер). Во-вторых, имело, в конечном счете, потребительские цели, а значит, не выходило за пределы качественного восприятия и всегда соотносилось с потребностями человека, в традиционных обществах весьма стабильными. Хозяйствование, включая рыночный обмен, было направлено не на рост продукта или прибыли, а на сохранение и воспроизводство уровня благосостояния.

Деньги в обществе, где преобладало мелкое аграрное производство, рассматривались не только как низшая и неблагородная в сравнении с землевладением форма собственности, но и - что особенно важно - как средство обмена, циклического обращения, но не роста. Хозяйство велось не столько ради получения денег, сколько деньги были нужны для ведения хозяйства, они должны были потребляться, а не накапливаться [3, с. 283, 289]. Представлений о прямой связи денег, выражающих меновую стоимость товара, со временем, здесь еще нет, как нет и представлений о том, что посредством денег, воплощающих ценность товаров при обмене, выражается соотношение ценности социального времени, потраченного на их производство и потребление. Поэтому нет и представлений о ценности времени, способного приносить деньги.

Первой сферой деятельности, в которой деньги обнаружили одновременно свою способность к росту и непосредственную связь со временем, явилось банковское дело и ростовщичество. Однако именно в резком моральном осуждении этих форм деятельности нашли отражение представления о принципиальной невозможности и недопустимо-

сти утилитарного отношения ко времени, о том, что это творение Бога (богов), предназначенное в равной степени для всех людей, не может быть источником наживы индивидов. Ростовщики, взимавшие ссудный процент, занимались "торговлей временем", то есть продавали то, что ими не создано и им не принадлежит, являясь исключительно собственностью Бога. Ростовщичество рассматривалось как кража у Бога, наиболее страшная и постыдная из всех возможных краж. Поэтому прибыль, извлекаемая не из производства и торговли реальным товаром, а из способности денег прирастать, обращаясь во времени, рассматривалась в европейском средневековье как один из самых тяжких грехов [3, с. 155 - 156].

Однако открытая банкирами способность денег прирастать, обращаясь во времени, весьма существенным образом повлияла на развитие новой парадигмы социального времени, "времени купцов", пришедшей на смену традиционному "времени земледельцев". В этой новой, сложившейся в Западной Европе в конце средних веков, модернистской парадигме времени оно обретает такие фундаментальные социальные характеристики, как *инструментальное назначение, утилитарную ценность, имеющую денежное выражение, линейность*, а также ряд производных от них свойств.

"Время - деньги": инструментальный императив общества модерна

Становление модернистской парадигмы времени, по мнению А. Абдель-Малека, основы *практического* видения времени как "инструмента действия, а не понятия о месте человека в истории" [2, р. 179], были заложены в учении Аристотеля. Здесь время представляет собой не имманентное свойство бытия, неотделимое от конкретного содержания, а его форму, существующую независимо от наполнения, а потому поддающуюся анализу, объективным оценкам, измерению.

Развитию точного измерения времени в Западной Европе в средние века способствовало, наряду с усовершенствованием астрономии и механики, становление товарно-денежной экономики, прежде всего, торговли и производства, ориентированного на рынок. Поскольку, по выражению К. Маркса, единственным качеством денег является их количество [6, с. 172], распространение денежного обращения в условиях рынка порождает и распространение представлений о *калькуляции*, количественном исчислении, как базовой и универсальной интеллектуальной процедуре [7, р. 152]. Точное знание времени, затраченного на производство продукта, стало необходимым атрибутом развития мануфактурного и фабричного производства. Ориентация на рынок, меновые стоимости позволила приравнять время труда к зарабатываемым деньгам. Время напрямую стало рассматриваться как инструмент приращения денег, максима "время - деньги" стала одной из основ буржуазной культуры.

Связь с универсальными деньгами рынка обусловила и специфические характеристики социального времени капиталистических обществ. Открытие связи денег и времени ускорило распространение представления о *калькуляции* как основе *рационального использования* времени. Выходящее за рамки натурального хозяйства производство потребовало *объективного*, более не связанного с естественными ритмами человеческой жизни или природными циклами, измерения времени труда и ускорило внедрение механизмов измерения отрезков времени. Эти отрезки - сутки, часы, затем минуты, в необратимом движении и ритмичной смене задавали *объективную, отчужденную от человека регулярность*. Появление часов на городских башнях в XIII-XV вв. обеспечило *универсализацию* этой регулярности. Происходил процесс постепенного движения от очеловеченного, проживаемого, конкретного и локального времени естественного цикла к объективному, разделенному на абстрактные и универсальные промежутки времени массового производства и рынка.

Время товарного производства и рынка, утвердившись в мировом масштабе, приобретает черты, которые, по существу, присущи и деньгам как мере меновой стоимости и средству обмена. Поскольку его единственным содержанием оказывается производство

товара - меновых стоимостей, оно утрачивает качественные характеристики и отныне представляет собой лишь накопление количественно равных отрезков [8, с. 87]. Происходит универсализация времени производства и экономического роста, главным свойством которого становится главное свойство денег - количественная исчислимость. В контексте рыночного обращения деньги, являющиеся выражением меновой стоимости, позволили приравнять друг к другу разные формы труда, установить регулярную и универсальную связь между различными сферами человеческой деятельности. В условиях универсальных и стабильных рыночных денежных связей универсальное время рынка интегрирует индивидуальное время каждого участника экономической жизни.

При этом деньги стали выражать *соотношение ценности времени*, затраченного в разных сферах деятельности, позволили сравнивать разные формы социального времени. Денежное обращение позволяет оценить индивидуальное время каждого участника рынка в контексте совокупного общественного экономического времени, иерархически выстроить виды хозяйственной деятельности по их меновой полезности и доходности.

Время осознается уже не как объективная данность, имманентное свойство бытия, а как *ценность*, обретаемая личностью, принадлежащая ей и сознательно используемая. Уже в XIII в. в проповедях Бертольда Регенсбургского время интерпретируется как один из "талантов", данных человеку Богом, которые истинный христианин обязан правильно использовать. Открытие способности денег умножаться в процессе обращения во времени совпадает с возведением времени в ранг важнейшего достояния общества и человека. Если человек традиционного общества, благосостояние которого от времени не зависит, не считает необходимым время беречь, спешить, "гнаться" за временем, которое от него куда-то не уходит, сохраняя свой привычный темп и ритм, то человек нового времени осознает неумолимый бег времени, за которым надо поспеть, в единицу которого надо вместить как можно больше полезных и плодоносных операций. Ведь растратенное впустую сегодня время уже не принесет в будущем тех плодов-денег, которые могло бы принести. Эти новые принципы поведения формулирует в XVIII в. Б. Франклин: "тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять шиллингов и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает дома, должен - если он расходует на себя всего только шесть пенсов - учесть не только этот расход, но считать, что он истратил или, вернее, выбросил сверх того еще пять шиллингов" [Цит. по: 9, с. 71].

Время, проведенное не в рациональной деятельности, направленной на добывание денег, воспринимается как потраченное впустую. Погоня за деньгами заставляет отказываться от "бесплодной" траты времени на раздумья и рефлексии, на поиски смыслов, на созерцание и внутреннее самосовершенствование. Сколь бы плодоносным в духовном, интеллектуальном, эмоциональном плане ни оказывалось уделенное им время, с позиций утилитарного конструкта социального времени оно будет рассматриваться как потраченное впустую, если его плоды не конвертировать в деньги.

Отсюда следует ряд социокультурных установок общества модерна, суть которых в императиве "окупаемости" затраты времени. Например, время, потраченное на учебу, должно окупиться высокооплачиваемой работой. Сегодня мы можем наблюдать тенденцию к сокращению времени обучения, стремление как можно скорее начать профессиональную карьеру, а само обучение все больше утрачивает характер разностороннего университетского образования, от которого отказываются в пользу "компетентностных", то есть "применимых" знаний и навыков. Характерно также, что молодые люди легко принимают необходимость проводить большую часть своего времени в офисе (на работе), считая это время продуктивным, но протестуют против требований тратить такое же или даже меньшее время на образование (выполнение домашних заданий, подготовку к экзаменам и т.д.), воспринимая это как избыточную нагрузку.

Показательно, что П. Бурдьё придает большое значение именно факторам времени и денег в процессах взаимной конвертации видов капитала [10, с. 534]. Чтобы приобрести культурный или социальный капитал, необходимо иметь деньги, позволяющие освободить время для обучения или для общения и поддержания социальных связей. Образование оказывается недоступным тем, кто не может освободить достаточно длитель-

ный период времени от необходимости зарабатывать деньги. Аналогично, не имеющие денег лишены и свободного времени для того, чтобы поддерживать знакомства, оказывать услуги, проявлять заботу и участие - то есть делать все то, что обеспечивает приобретение, сохранение и накопление социального капитала.

Как показал Г. Зиммель, деньги обладают способностью *сжимать время*, потому что они "переворачивают" телеологическую цепочку и превращают средство в цель [7, pp. 211, 220]: желающий получить любую внеэкономическую ценность - например, образование или полезные связи, должен, прежде всего, обеспечить необходимые для этого деньги. Таким образом, сжатие времени порождает спешку, стремление совершить за минимальное время максимальное количество полезных действий. В результате гонки за деньгами социальное время уплотняется и ускоряется, становится дефицитом, превращаясь в постоянно действующий фактор беспокойства.

Доминирующим мотивом человека в отношении времени становится его рациональное использование для достижения поставленных целей. В разных сферах деятельности полезный результат достигается за разное время, поэтому можно сказать, что в обществе вообще и в экономике в частности одновременно развивается сразу множество "стрел времени" (И. Пригожий) как векторов рациональной деятельности субъектов. Работают и "длинные", и "короткие" деньги, необходимые в разных сферах хозяйственной деятельности. Деньги являются инструментом "определения величины ценности экономического времени" [11, с. 93], с помощью которого можно выявить связь между продолжительностью деятельности и ее полезностью.

При этом деньги как выражение полезности, т.е. востребованности продукта деятельности в социальном масштабе выражают и *иерархию ценности* не только экономического, но и социального времени. Размер денежного вознаграждения за ту или иную работу можно рассматривать как отражение ценности времени, поглощаемого той или иной формой деятельности. В результате сегодня нередко придается больше значения количеству времени, за которое заработана та или иная сумма, чем способам, которыми она заработана. Поэтому *быстрое* обогащение воспринимается как более предпочтительное, чем медленное, даже если первое связано с асоциальными практиками, а второе - с институциональными средствами (Р. Мертон).

Еще одним свойством модернистской парадигмы времени рынка становится его *линейность и необратимость*, в противоположность цикличности традиционного времени. Возникновение линейного времени модерна обусловлено развитием представлений о деятельности людей как о рационально телеологически ориентированном процессе, а также становлением науки нового времени как знания о природе, рассматриваемой с точки зрения детерминизма, однозначных и линейных причинно-следственных связей. Поскольку вложение денег сегодня осуществляется ради *будущей* прибыли - пусть даже это весьма близкое будущее, происходит и смещение временной ориентации человека с прошлого на настоящее и будущее. В результате время отчуждается от реальной человеческой жизни и переводит историю людей в отчужденную историю производства и капитала. К. Маркс, исследуя отчуждение, показывает, как время человеческой жизни утрачивает содержание и качество, которые заменяются количеством заработанных денег, - не важно, идет ли речь о заработной плате работника или о доходе предпринимателя: "Чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое имущество, тем больше твоя отчуждаемая жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности" [6, с. 275 - 276]. Качественное содержание конкретного этапа личной биографии или общей истории утрачивает ценность по отношению к перспективам роста денег. Можно сказать, что и прошлое, и настоящее, в котором реально живет человек, дискриминируется во имя будущего. Так, постсоветский рыночный неофит и фундаменталист склонен интерпретировать времена массового героизма, единения народа, духовного и нравственного подъема лишь как времена бедности и лишений. Временной вектор обретает культурную императивность, согласно которой пропорционально росту денег в будущее переносится и более совершенное состояние экономики, социума, индивида.

Императив экономического роста, за которым стоит и сущностью которого является рост денег, приводит к навязыванию времени рынка и товарного производства обществам, которые сохраняют модель традиционного циклического времени. Как подчеркивает Г. Дебор, "Победа буржуазии - это победа глубинного исторического времени, так как оно является временем экономического производства, постоянно снизу доверху преобразующего общество. Пока сельскохозяйственное производство остается основным трудом, циклическое время, все еще присутствующее в глубинах общества, питает объединенные силы традиции, которые вот-вот затормозят движение. Но необратимое время буржуазной экономики искореняет такие пережитки по всему миру" [8, с. 84].

Однако линейность социальной конструкции времени экономического роста в условиях рынка относительна и выражает лишь ее самые общие свойства: строгая линейная перспектива времени рынка, соответствующая вектору экономического роста, является такой же абстракцией, как абстракция "экономического человека". Если за вектор времени принимать не социальный императив роста, а реальные отношения детерминации, то оказывается, что "экономику пронизывают временные потоки в виде стрел времени, направленных из прошлого в будущее и из будущего в прошлое" [11, с. 101]. Это объясняется неоднозначностью причинно-следственных связей в условиях рынка, воздействием разного рода непредвиденных факторов и возникновением непредвиденных последствий экономической деятельности в условиях свободного рынка. Это позволяет исследователям утверждать, что время рынка имеет тенденцию к образованию "временных петель обратной связи" [11, с. 89], выражающих неоднозначность детерминации и влияние прошлого опыта на принятие экономических решений.

Виртуальные деньги и нелинейное инструментальное время постмодерна

Трансформации представлений о времени в современном обществе уже стали предметом анализа ряда исследователей: Г. Дебора, Э. Гидденса, З. Баумана, Ж. Бодрийяра и др. Они отмечают, что наиболее существенное влияние на трансформацию социальных конструктов времени оказала сформировавшаяся на рубеже XX-XXI вв. *двойственность денег*: наряду с деньгами реального производства и рынка в условиях глобализации возникли виртуальные деньги и виртуальная финансовая экономика.

Виртуальные деньги представляют собой деньги "семиотические", то есть чистые знаки, освободившиеся от любой референции в реальной действительности, в том числе и от реальности рынка и меновых стоимостей. По Ж. Бодрийяру, виртуальные "холодные деньги" превращаются в *симуляции* денег реального производства и уже не означают движение меновых стоимостей и соотносимую ценность времени, затраченного на разные виды социальной деятельности: "Нет больше никаких референций производства, значения, аффекта, субстанции, истории, нет больше никакой эквивалентности реальным содержаниям... Победила другая стадия ценности, стадия полной относительности, всеобщей подстановки, комбинаторики и симуляции" [5, с. 52]. Симуляция денег отражается на всех социальных конструктах общества постмодерна, в том числе на конструировании социальных смыслов времени. Она принципиальным образом трансформирует его модернистскую парадигму, возвращаясь к цикличности традиционного времени на новом уровне.

Виртуальные деньги глобальной экономики, способные прирастать независимо ни от каких реальных факторов, создают симуляции экономического роста, прогресса, благополучия. По Ж. Бодрийяру, в условиях тотальной симуляции формируется специфическая *атемпоральность*, утрата значимости временного измерения. Она проявляется в том, что вектор социального времени, связанный с экономическим ростом, утрачивает прежнюю значимость, поскольку сам экономический рост становится симуляком, а его денежное выражение освобождается от реальной референции в виде роста произ-

водства или оборота меновых стоимостей. Ориентация на максимизацию денежной прибыли, служащая основой линейного времени производства и рынка, теперь утрачивает вектор, направленный в будущее, определяемое ростом, поскольку максимальная прибыль может быть извлечена и из деструктивных практик, связанных с возвратом в прошлое реальных секторов экономики.

В значительной степени атемпоральность постмодерна связана с еще более сильным, чем в условиях классического рынка, размыванием устоявшихся причинно-следственных отношений. Стрела времени, определяемая детерминацией экономического роста, направлена в будущее до тех пор, пока существует однозначная связь причины и следствия. Однако рост симулятивных виртуальных денег не детерминирован реальными экономическими причинами. Поэтому его, как и любые симулятивные процессы, можно рассматривать сквозь призму известной постмодернистской концепции "смерти Автора". Линейные векторы времени, еще связанные с динамикой реальных экономических процессов, становятся частным случаем развития, которое принимает в целом нелинейный характер и утверждает естественность и неуничтожимость случайных и непредсказуемых флуктуации, делающих настоящее состояние не определяемым прошлым и не влияющим на будущее [12, с. 180].

С этим связан такой отмечаемый исследователями постмодерна аспект атемпоральности, как доминирование ориентации на *краткосрочность*, утрата временной перспективы: "Сегодня условия изменяются внезапно, попирая любые разумные представления и не следуя твердой логике или внятным схемам. Возникает ощущение разьединенного времени, идущего от неожиданного эпизода к непредвиденному и угрожающему способности человека составить из отдельных фрагментов целостное повествование. Представители старшего поколения помнят, что в годы их юности люди строили жизненные планы с расчетом на длительную перспективу, долгосрочными были и их обязательства, и отношения с окружающими; сегодня, однако, даже они задумываются о том, осталось ли какое-то реальное содержание в идее долгосрочное™" [13, с. LV].

Важнейшим фактором, влияющим на социальное конструирование времени, является информационный характер развития современного общества. Как показал Э. Гидденс, высокие телекоммуникационные технологии делают фактор времени незначимым при передаче любых объемов информации на любые расстояния, что приводит к уплотнению времени, его практическому свертыванию в точку. Благодаря этому операции с виртуальными финансами становятся практически независимыми от времени, а в масштабах экономики планируемое, ориентированное в будущее время производства дополняется "реальным временем" финансовых транзакций. Последнее оказывается гораздо более дорогостоящим и прибыльным, а первое, соответственно, обесценивается, поскольку прибыль от производства, ожидаемая в будущем, в условиях быстро и непредсказуемо меняющейся ситуации, менее надежна и привлекательна. Особенно чувствительно это обесценивание времени производства в нестабильных и переходных обществах, где привлекательность "быстрых денег" оказывается деструктивной для реального производства и всех видов деятельности, не приносящих быстрой отдачи. Наиболее ценными оказываются такие формы деятельности, которые приносят максимальные деньги за минимальный промежуток времени, и этот промежуток имеет тенденцию к сокращению. "Длинные деньги", работающие в течение длительных сроков, превращаются в подлинный социальный дефицит.

Таким образом, в условиях развития виртуальных денег время сохраняет обретенную в эпоху модерна инструментальную ценность, однако по-новому расставляются смысловые акценты: время по-прежнему имеет ценность потому, что деньги имеют способность прирастать в процессе оборота во времени, но особую ценность имеет обретаемая в виртуальной реальности вневременность денег, то есть возможность разрывов как в получении прибылей, так и в их утрате. Такое предельно сжатое время с разрывами изменяет весь баланс экономического времени общества: его полезность определяется не произведенными ценностями, имеющими денежный эквивалент, а виртуальными деньгами, что ведет к обесцениванию всех других форм экономического времени.

Сжатие времени, абсолютизации "сейчас" и его безусловным приоритетом над прошлым и будущим способствует превращение *потребления в элемент системы* экономического роста за счет постоянного производства симулякров устаревания товаров и услуг. Необходимость поддержания и постоянного воспроизводства потребностей в их растущем многообразии требует, чтобы сокращалось само время пользования товарами и услугами, сводясь к моментальному удовлетворению потребности и ее забвению, освобождающему место для следующего неудовлетворенного желания. Таким образом, суть современного потребления все больше сводится не к длящемуся во времени процессу, а к виртуальному культивированию желаний и предвкушений будущего удовлетворения, мгновенно забываемому и сменяющемуся новыми потребительскими грезами [13, с. 118 - 119].

Такая потребительская ориентация способствует "свертыванию" социального времени, закручиванию его в спираль: будущее переживается в настоящем и тут же утрачивает значимость, возвращаясь на новый виток. Постоянное скольжение по этой временной спирали поддерживается развитием *кредитных денег*, все более легким и массовым доступом к ним. Кредит делает доступным товар, который, по существу, не заработан: с одной стороны, позволяет *сейчас* достичь цели при реальном отсутствии средств, с другой стороны, переносит в будущее расплату за удовлетворение потребности в прошлом. Таким образом, "жизнь в кредит" представляет собой забегание вперед во времени посредством получения незаработанных денег, пребывание в настоящем для собственно удовлетворения потребности, а затем - возврат в прошлое для осуществления платежей за блага, которые уже потреблены и пережиты [5, с. 17].

Автор концепции "общества спектакля" Г. Дебор рассматривает нелинейное социальное время в обществе потребления как *псевдоциклическое* зрелищное время, которое одновременно является и временем потребления образов (рекламы, массовой культуры и т.п.), и образом потребления времени (чередования труда и досуга, рабочего времени и отпуска, зрелища и ожидания зрелища и т.п.). Обретенная в эпоху классического модерна история как время народа и время индивидуальной биографии отчуждается сначала в абстрактное "товарное" время производства, а затем в "зрелищное время" общества спектакля, где образы опосредуют социальные связи и вся полнота товарного мира предстает перед потребителем сразу, как всеобщая эквивалентность того, чем общество может быть. Деньги являются одним из агентов производства виртуальной реальности, которые отчуждают подлинную реальность от человека: "Спектакль есть другая сторона денег - всеобщего абстрактного эквивалента всех товаров. Но если деньги подчинили себе общество как репрезентация главной эквивалентности, то есть обменности многообразных благ, чье потребление оставалось несравнимым, спектакль представляет собой их развившееся современное дополнение... Спектакль есть деньги, на которые мы *только смотрим*, ибо в нем тотальность потребления уже заместила тотальностью абстрактного представления" [8, с. 37].

Время спектакля является псевдоциклическим, поскольку сам человек остается неподвижным зрителем разыгрываемого перед ним зрелища: "Тогда как циклическое время было временем неподвижной иллюзии, переживаемой реально, время зрелищное является временем трансформирующейся реальности, переживаемым иллюзорно" [8, с. 89]. Здесь уже нет логики и детерминации процесса развертывания жизни, будь то индивидуальная биография или общая история, ибо общество спектакля ориентировано на "продажу" полностью экипированных" блоков времени, каждый из которых представляет собой единый унифицированный товар" [8, с. 88]. Единое время распадается на несвязанные повествования, повторение которых диктуется не смыслом, которым наделено время, подобно цикличности возврата особо значимых событий в жизни традиционных обществ, а внешней логикой спектакля, основанной на равнозначности и взаимозаменяемости удовлетворенных потребностей, получаемой информации и т.д. Все события, свидетелем которых становится зритель "спектакля", оказываются лишь чередой "неподтвержденных рассказов, неконтролируемых статистических данных, неправдопо-

добных объяснений и невразумительных размышлений... отстраняемых на мифологическую дистанцию" [8, с. 128].

Время, потраченное на отдых, развлечения и проч., имеет не большую и не меньшую ценность, чем время, потраченное на работу, учебу. Безразличие симулятивного экономического роста ко времени реального производства приводит к тому, что оно утрачивает свой социальный приоритет перед временем досуга. Когда деньги не связаны со стрелой социального рабочего времени, совпадающей с вектором развития производства, все формы социального времени оказываются уравненными в своем значении. Ж. Бодрийяр утверждал, что в условиях тотальных симуляций уже нет разницы между временем производства и временем досуга, поскольку "всякий труд сливается с обслуживанием - с трудом как чистым присутствием/занятостью, когда человек расходует, *предоставляет* другому свое время... Производится ли при этом что-нибудь или нет - не имеет значения по сравнению с этой личной зависимостью" [5, с. 67]. Это уравнивание осуществляется благодаря деньгам как универсальному коду, которым "помечается" любая форма времени - оплаченный отпуск, оплаченное (пособием) время безработицы, а также досуг, учеба, повышение квалификации и т.д. Целью трудящихся является уже не "справедливая" оплата труда, а максимальная плата за минимальное время [5, с. 74]. Ж. Бодрийяр на этом основании полагал, что в современных условиях исчезает отчуждение в марксовом смысле противопоставления человеку его рабочего времени как непосредственно, так и в овеществленной форме, поскольку не отчужденного времени уже просто нет.

Тотальное отчуждение времени также является одной из важнейших причин атемпоральности современного общества: люди стремятся это не принадлежащее им и противостоящее им время сжать, "убить", изгнать из своей жизни. Стремление к сжатию времени носит амбивалентный характер: преуспевающим актерам всегда не хватает времени, они стремятся уплотнить его, чтобы произвести в единицу как можно больше полезных и плодоносных действий. И чем за меньший промежуток времени получена максимальная денежная прибыль, тем выше и социальная ценность этого времени. Время аутсайдеров ничего или почти ничего не стоит, они страдают от избытка времени, которое не приносит плодов в виде денежной прибыли, и поэтому тоже стремятся сжать и уплотнить время, чтобы создавалась видимость его большей продуктивности. Избыточное социальное время как раз и расходует как псевдоциклическое время "спектакля", время зрелищ и разнообразных форм потребления, которые являются способом заполнить избыточное время, придать ему видимость содержательности. Как подчеркивает Г. Дебор, "спектакль" есть не что иное, как "смысл целостной практики определенной социально-экономической формации, ее способ *распределения времени*" [8, с. 25]. При этом все меньшую ценность имеет время, затраченное дополнительно к созданию продукта на его отделку, усовершенствование, на оттачивание профессионального мастерства, на углубление знаний. "Время спектакля" заполняется массовой, стандартной продукцией, созданной и потребляемой по принципу макдональдизации, то есть эффективности на единицу времени. Эксклюзивное качество, "ручная работа", связанная с нерегламентированной тратой времени, представляет особо ценный и дорогостоящий продукт, потребление которого становится социальным маркером особо высокого статуса, на уровне которого единица времени стоит очень дорого.

Таким образом, динамику социального конструирования времени можно в целом охарактеризовать как нелинейную. От наполненного реальным содержанием, неразрывно связанного с человеком и важнейшими экзистенциальными аспектами его бытия, принципиально неинструментального циклического времени традиционных обществ социальное время эволюционирует в модернистскую буржуазную концепцию, квинтэссенцией которой является максима "время-деньги". Это линейное время, стрелы которого в масштабах общества имеют единый вектор экономического роста. Главной характеристикой модернистской концепции времени является его инструментальность, наиболее полным выражением которой является денежная эффективность.

Деньги, можно сказать, превращаются в фактор отчуждения от человека времени его жизни.

Инструментальность времени сохраняется и в постмодернистской парадигме его социального конструирования, однако линейный вектор экономического роста становится частным случаем, подчиненным псевдоцикличности, выраженной во времени, заполненном симулятивной деятельностью и потреблением. Значимой характеристикой постмодерна становится *атемпоральность*, независимость от времени, фактором которой является утрата вектора экономического роста, свертывание его в точку извлечения максимальной прибыли в виртуальных деньгах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Московичи С.* Деньги как страсть и как представление // *Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, КСП+, 1998.
2. *Abdel-Malek A.* Civilisations and Social Theory. N.Y.: The Macmillan Press, V. 1. 1981.
3. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
4. *Зомбарт В.* Буржуа. М.: Наука, 1994.
5. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
6. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К.* Социология. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
7. *Simmel G.* The Philosophy of Money. L., 1978.
8. *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Логос, 2000.
9. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
10. *Бурдьё П.* Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. *В. В. Радаев*; Пер. *М. С. Добряковой* и др. М.: РОССПЭН, 2004.
11. *Бирюков В. В.* Время как фактор развития экономики в рыночных условиях. СПб.: СПбГУЭФ. 2000.
12. *Кравченко С. А.* Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М.: МГИМО-университет, 2007.
13. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.